

1. Ткацкий промысел

Наибольшего развития в группе по обработке волокна достигло ткачество с сопутствующими промыслами (прядельным, размоткой бумаги и шелка).

Ткачество существовало с древних времен. В XVI-XVII вв. оно стало выходить на рынок. Развитие рыночных отношений и разрешительные указы 1769-1775 гг. дали мощное ускорение этому процессу. Разорение Москвы в 1812 г. подорвало крупное текстильное производство, а тариф 1822 г. создал благоприятные условия для роста крестьянского ткачества. Спустя 17 лет, в 1839 г. современник писал, что «начиная от подмосковного села Черкизова, ткацкая промышленность разливается, как море, по всем деревням и селам к Александрову, к Юрьеву-Польскому, Ростову, Ярославлю, до Кинешмы, Шуи и Вязников»²²⁴. Еще через два десятилетия, в 1858 г., И.С.Аксаков отметил, что «Московская, Владимирская, Костром-

ская губернии образовали целый мануфактурный округ»²²⁵. К концу столетия развитие фабрик существенно подорвало ткачество. Кустарные селения эволюционировали в двух направлениях: если в селении или рядом появлялась фабрика, селение постепенно превращалось в фабричное, если фабрика была в отдалении, она стягивала крестьян в свои казармы, и селение становилось центром отхода или даже запустевало. В семидесятых годах «в Медынском уезде производством миткаля и др. тканей занималось свыше 3000 семейств... В настоящее время... промысел... почти совершенно исчез... Главная причина — устройство за последние 15 лет значительного числа самоткацких заведений, с паровыми двигателями»²²⁶. В 1885 г. современник писал об окрестностях сел Вичуги и Тезина, где были основаны ткацкие фабрики: «Подъезжая к фабрике, на расстоянии 10–15 верст вы уже видите и чувствуете ее присутствие здесь. Любая деревня, село в этом районе явно свидетельствуют вам о том: заколоченные, сгнившие, унылые наводящие избы... за околицей — жидкий выгон, еле тронутая сверху запашка и бесконечные пустыри... вот обыкновенный и общий ландшафт такой деревни»²²⁷.

Но все же к концу столетия в центральной полосе продолжали существовать все виды кустарного ткачества — бумажное, полотняное, шелковое и шерстяное. Оно не утратило своего значения и с развитием машинного производства и бытовало до 1920-х гг., представляя собой сложный комплекс приемов работы и орудий производства различного происхождения, возникших в разные времена и отражающих долгую и сложную историю народного мастерства²²⁸. Во второй половине XIX — начале XX в. домашнее ткачество существовало не только для удовлетворения потребностей семьи. В ремесленной и кустарной формах оно развивалось в условиях мелкотоварного крестьянского хозяйства. Параллельно этому распространялся и процесс капитализации этой отрасли — превращение сельских кустарей — ткачей в рабочих-надомников крупной текстильной промышленности. Мелкотоварное производство дольше всего удерживалось в узорном ткачестве. При схожести некоторых приемов изготовления такие ткани и изделия из них из разных районов отличались друг от друга колоритом, композицией узоров, сочетанием орнаментальных форм. Все узорные материи ткались на простых крестьянских станках — «кроснах» путем плотного соединения накрест переплетенных продольных (основа) и поперечных (уток) нитей. Процесс приготовления пряжи и ткани был длительным и трудоемким. Чтобы соткать три простых холста (150 метров), нужно было затратить около 240 рабочих дней при 8-ми часовом рабочем дне. Узорные ткани требовали еще больших усилий, времени и напряжения.

Концентрация кустарей была следующей.

В Северной полосе — Вятская губ. — 25,9 тыс. чел. (и выработка пряжи и ниток — 3 тыс. чел., отмечен льноткацкий промысел) и Олонецкая — 0,7 тыс. чел. (шлейники).

В Центральной полосе отметим прежде всего Подмосковный и Владимирский ткацкие районы. Они не выделены ни А.А.Рыбниковым, ни К.Н.Тарновским, но их значение несомненно. Возможно, их даже следует считать всероссийскими.

Местные обследователи Подмосковного района начала столетия характеризуют его именно как район, указывая, что «в ткацком районе почти совершенно отсутствуют земледельческие промыслы, а также и все другие, принадлежащие к типу обрабатывающей промышленности; отхожие промыслы составляют меньший процент по отношению к местным в тех местностях, где наиболее развито ткачество, и, наконец, рабочими на фабрики уходят лишь жители ближайших к этим фабрикам местностей»²²⁹. Район охватывал уезды Богородский (все сорта тканей), Бронницкий, Звенигородский, Можайский (хлопчатобумажные), Коломенский (хлопчатобумажные и шелковые), Серпуховский (хлопчатобумажные, полушерстяные и парча), Подольский и Рузский (преимущественно шерстяные), Дмитровский, Клинский, Волоколамский (хлопчатобумажные и полушерстяные), Московский (хлопчатобумажные и шерстяные).

Огромное значение имел и Владимирский район: Александровский (и размотка шелка), Покровский (и размотка шелка и плисорезание), Вязниковский, Судогодский, Юрьевский уезды.

К 1916 г. сформировался Боровичский (Новгородская губ.) трикотажный район.

В Южной полосе отмечен Камышинский район в Саратовской губ. по производству сарпинки, центром которого были поволжские немецкие колонии.

В Московской и Владимирской губерниях ткачеством (не считая выработки сукна и ковров) занималось по 41 тыс. чел. в каждой. Да еще выработкой пряжи и ниток 30 тыс. чел. и 1,2 тыс. чел. соответственно. В других губерниях было гораздо меньше: в Костромской — 6,2 тыс. чел., Нижегородской — 5,5 (пряжа и нитки — 2,9 тыс. чел.), Тверской — 3,9, Новгородской — 2,8, Санкт-Петербургской (пряжа и нитки) — 0,9 тыс. чел., Ярославской — 0,6 тыс. чел., центр промысла — с. Великое.

В Южной полосе много ткачей было в Курской губ. — 34,4 тыс. чел., Рязанской — 22,8 (пряжа и нитки — 5,9 тыс. чел.), Саратовской — 12,8, Воронежской — 3,6 (пряжа и нитки — 1,5 тыс. чел.), Тамбовской — 2,6, Казанской — (пряжа и нитки) — 2,2 тыс. чел.,

Орловской — 2,5 тыс. чел. и еще было занято выработкой пряжи и ниток в Симбирской — 0,8 и в Пензенской — 0,7 тыс. чел.

Главным растительным волокном для изготовления пряжи в северных и центральных районах был лен. Основными льноводческими районами являлись Олонецкая, Вологодская, Костромская, Ярославская, Тверская, Владимирская и Вятская губернии. Здесь произрастали лучшие сорта льна, шедшие на волокно. В Псковской и Новгородской губерниях также выращивали лен высокого качества, но значительная часть волокна отсюда уходила за границу. В остальных губерниях нечерноземной полосы промышленного значения льноводство не имело. Среди западных губерний выращиванием льна занималась Смоленская губерния. В черноземных губерниях в XIX в. развивали преимущественно культуру масленичного льна, семя которого через Одесский порт вывозилось за границу.

В ткачестве помимо льна широко применяли растительные волокна, получаемые от обработки конопли (и реже — крапивы). На территории Рязанской и Тульской губерний из конопли выделявали так называемый посконный холст, в Брянском уезде — замашный.

Особенно широко конопляные ткани употреблялись у тюркских и финноугорских народностей поволжских губерний. Повсеместно использовалась в ткачестве шерсть — главным образом овечья, в небольшом количестве козья, кроличья и лишь в особых случаях — верблюжья, коровья и собачья. Нити для узорного ткачества крестьяне окрашивали в разные цвета, применяя с этой целью различные домашние средства, либо отдавали в красильные мастерские, или же покупали окрашенную пряжу на рынке.

Процесс подготовки сырья к ткачеству был длительным. В отношении льна и конопли — это выращивание, дерганье, обмолот, стлание, мочение, мятье, трепание, чесание, прядение, мотание ниток (в мотках нитки белили и красили), затем готовили основу холста, нитки для утка, после чего начинался сам процесс тканья. Наибольшее распространение в крестьянских домах имел горизонтальный ткацкий стан — кросна. В конце XIX в. в центрах развития кустарного ткачества появился ткацкий стан «самолет с погонялкой» (с приспособлением, перебрасывающим челнок, что обычно делалось вручную). На нем ткали мужчины. Наибольшее распространение он получил в Ярославской губернии. После завершения процесса ткачества начиналась обработка готовых тканей: беление холста, валяние сукна (ткань из шерстяных нитей), лошение шерстяных тканей²³⁰.

Наиболее распространенным видом готовой продукции ткачества являлась пестрядь — льняная или пеньковая (из конопли) ткань в полоску или клетку. Мелкие и крупные клетки получали

путем переплетения цветных ниток основы с цветным утком. Художественный эффект такой ткани зависел от удачного цветового сочетания. Излюбленными видами узорной ткани были: «третья» — две полосы делались синими, а одна белой; «с перлученной» — в мелкую клетку; «белоглазка» — в одну узкую полосу; «половинчатая» — чередующиеся узкие синие и белые полосы. Из пестряди шили мужские рубахи («пеструхи») и порты, женские сарафаны («пестрядильники»), фартуки, а также делали занавесы, подстилки и проч.²³¹

Вторым видом по распространенности была узорная льняная ткань — «бранный холст» (от слова «братъ», «выбирать»). При его выделке нити основ выбирали соответственно узору и подкладывали вместо них дощечки или прутики — «бральницы». В образовавшийся «зев» появлялась возможность прокидки челнока. Цветные уточные нити проходили по всей ширине ткани, выступая на лицевой стороне соответственно узору. Отдельные разноцветные элементы узора выполнялись различными челноками. Такой вид ткачества назывался «выборным». Большинство браных узоров возникало на основе простейших геометрических форм — ромбов, треугольников, квадратов и т.д. В северо-западных губерниях (Олонецкая, Вологодская, Новгородская, Псковская) наиболее распространенными были однотонные браные узоры (белая уточная нить сочеталась с белой же основой). В ряде мест Архангельской губернии бытовали традиционные полихромные широкополосные плотные браные узоры. В центральных губерниях белый холст украшали красными орнаментированными полосами (узенькие полосы постепенно сменялись более широкими, со сложным узором). В Смоленской, Московской, Калужской, Тульской, Орловской и Воронежской губерниях в отдельных районах делали ткани, декор которых составляло чередование цветных узких полосок — красных, желтых, зеленых, реже синих и черных. В отдельных регионах различные приемы узорного ткачества комбинировались. Так, в южных губерниях находили широкий спрос ткани, выполненные в так называемой «закладной» или «паласной» технике. Многие узоры ручного ткачества имели самобытный характер, но смысловое значение их орнаментики во второй половине XIX в. уже утратило свое первоначальное значение. Различные элементы орнаментики были уже полностью переосмыслены, но оставалось традиционное использование определенных форм в предметах, связанных с ритуальными обрядами, с крестьянским бытом (полотенца, накидки, свадебная одежда и т.д.). Под влиянием фабричного производства развивалась и своеобразная «многоремизная» техника ткачества с простым геометрическим орнаментом (из прямоугольников и квад-

ратов). На все местные различия как в технологии, так и в орнаментальном строе и колорите тканей особое влияние, помимо социальноэкономических факторов, оказывало этническое своеобразие культуры в различных регионах²³².

Многие виды льняного и пенькового мелкотоварного производства, бытовавшие в сельской местности, в рассматриваемый период продолжали играть существенную роль в экономике страны. Но процесс неуклонного перерастания их в капиталистические формы работы на дому для мануфактуры или фабрики имел тенденции к стремительному расширению и углублению. Однако характерной чертой его была территориальная неравномерность проявления и оформления капиталистических черт производства. В ряде уездов мелкотоварное производство с самостоятельным сбытом продукции и мелкое производство, экономически подотчетное скупщику, как правило, выходявшему из рядов производителей, продолжало удерживать свои позиции. Но в Центрально-Промышленном районе (Московская, Владимирская и часть Костромской губерний) проникновение основных элементов капиталистической системы в ткацкие промыслы достигло в рассматриваемый период небывалого размаха, практически полностью ликвидировав мелкотоварное производство. Уже в начале 80-х гг. ручной труд в ткачестве этого региона был в основном механизирован. Еще до начала XX в. здесь возникли десятки новых прядильных и ткацких фабрик — это прежде всего Московский и Ивановский текстильные районы. Первый, наиболее крупный, сложился вокруг Москвы еще в XVIII в. и включал в свои границы уезды Бронницкий, Верейский, Дмитровский, Клинский, Коломенский, Московский, Подольский, Серпуховской Московской губернии, Александровский и Покровский уезды Владимирской губернии и ряд селений, тяготевших к этой территории²³³. Основная масса селений с ткацким производством концентрировалась к востоку от Москвы, вдоль Стромынского тракта и реки Клязьмы. В них ткачество стало основным источником дохода для крестьянских семей. В Московской губернии им занимались почти во всех 13 уездах (104 волости, 940 селений). И к 80-м гг. абсолютное большинство ткачей превратилось в надомных рабочих 70 механизированных фабрик²³⁴.

В домашнем ткачестве, где еще сохранялись формы мелкотоварного производства, выделялись следующие районы: Богородско-Бронницкий с Верховлянской волостью Коломенского уезда; Волоколамский с Калеевской волостью Клинского уезда и Озерецкая волость Дмитровского уезда. В первом из них проживало более двух третей населения, занятого домашним ткачеством, сохранявшим особенности традиционной культуры этого ремесла.

Ткацкое дело в Московской губернии достигло высокого уровня. Номенклатура изделий у подмосковных ткачей была богатейшей. Помимо тканей они изготавливали золототканые ленты и тесьму различных видов. Эти заготовки являлись полуфабрикатами для производства церковного позумента, форменного галуна для военных и штатских мундиров, позумента для украшения головных уборов и национальной одежды. Позументный промысел, для которого требовалось особое сырье (помимо бумажных и металлических нити — медные, позлащенные, посеребренные и проч.), в начале 80-х гг. XIX в. был зафиксирован в 38 селениях (свыше 2600 чел.) губернии. Более 60% работников в этом производстве были связаны с мелкими мастерскими, где число наемных не превышало 5 чел. Однако уже к концу XIX в. значительная часть ткачей этой отрасли превратилось в надомных рабочих, обслуживающих фабрики, где существовало машинное производство позумента²³⁵.

В Московской и Владимирской губерниях получило широкое распространение и шелкоткацкое производство, в котором было занято свыше 6 тыс. кустарей, получавших шелковую пряжу от местных фабрик. Особое развитие выделка шелковых тканей получила «в Богородицком у. (преимущественно в Гребневской вол., которая представляет собой в этом отношении как бы русский Лионский округ; всех кустарных заведений и изб насчитывается в упомянутом у. до 1600 (с 6,5 тыс. станами); ежегодный чистый заработок богородских ткачей простирается до 650 тыс. р.»²³⁶

Выработка шелка и бархата производилась в Покровском и Александровском уездах Владимирской губернии.

К югу от Московской губернии ткацкий кустарный промысел частично сохранялся в Калужской губернии, где уже с 30-х гг. XIX в. началось развитие бумаготкацкой промышленности и в первую очередь — в Боровском уезде. В конце XIX в. ткачество в виде надомной формы производства сосредотачивалось в Тарусском, Боровском и Малоярославецком уездах. По данным 1900 г. только в Боровском уезде — в 6 волостях работало до 3 тыс. ткачей. Наибольшее количество их отмечалось в д. Ново-Михайловской Кривской волости, где кустари специализировались на изготовлении хлопчатобумажных фартуков, полотенец, покрывал и ткани — сарпинки. В соседних волостях ткали бумажные и шерстяные платки, «черкасиновые» и меланжевые хлопчатобумажные шали. Почти все селения этих мест работали на московские фабрики. Мелотоварные формы производства сохранялись прежде всего у тех кустарей, которые занимались узорным ткачеством, продукция которого шла на женские рубахи, занавески-передники, ритуальные полотенца, скатерти, салфетки и проч. В этих местах бытовало общее название

узорного холста «перетыка» (закладной и браной техники). При закладной технологии холст имел цветные геометрические узоры (красные, синие, желтые и зеленые цвета и оттенки), при браной, которая имела широкое распространение, на красном фоне выделялся белый орнамент²³⁷.

Ткацкий промысел в виде узорного ткачества в форме мелкотоварного производства отмечался и в Орловской губернии, особенно в ее Брянском уезде²³⁸.

Значительное место в промысловой деятельности населения отдельных уездов Ярославской, Тверской и Нижегородской губерний занимали домашнее прядение и ткачество, существовавшие, как и в центральном ткацком районе, в различных формах производства. Славилась своими льняными домоткаными холстами Тверская губерния, откуда на местные и московские рынки поступали холсты многих разновидностей: «нита», «цепя», «зубка», «загребенный» и самый тонкий холст — «двойник» (Осташковский, Кашинский и Новоторжский уезды). Выделывали в губернии и сотни аршин узорных тканей: односторонняя «поналичная», «рядное», «брюховинка» (Тверской, Вышневолоцкий, Бежецкий, Кашинский уезды); кисея — «редочки» (Ржевский, Зубцовский, Осташковский, Бежецкий, Новоторжский, Весьегонский и Старицкий уезды); пестрядь или «рябушинка» (Осташковский, Новоторжский уезды); ткани браной техники — «бранина». Последние ткали в большинстве уездов Тверской губернии²³⁹.

В Новгородской губернии, частично, граничившей с Тверской, льняное прядение и ткачество в 90-е гг. практически уже не имели товарного характера, хотя ткацкие станы работали почти в каждой избе. Большая часть тканых изделий шла на домашние нужды. Домашнее ткачество не оправдывало себя — труд пряжи в течение дня мог быть оценен лишь в 5 коп. Только неимение других работ заставляло крестьянок тратить столь непроизводительно время. Как подсчитали экономисты, один человек у льнопрядильной машины мог заменить 60 прях, но в ткачестве машина не всегда могла сравниться с ручным трудом — один ткач при механизированном производстве имел возможность воспроизвести работу лишь 4 чел. Тем не менее, в конце XIX в. в Череповецком, Белозерском и Кирилловском уездах еще существовали селения, где узорное ткачество имело выход на рынок²⁴⁰. Гораздо шире, чем в Новгородской, узорное ткачество (пестрядь, ремизное, браное и проч.) было распространено в Вологодской губернии. Центром ткачества являлся Великий Устюг и окрестные селения, а также ряд менее значительных центров — в Кадниковском и Грязовецком уездах. Здесь узорные ткани украшали геометрическими фигурами — полосами, кре-

стами, зигзагами, ромбами, на обрядовых предметах — подолах и оплечьях рубаш, концах полотенец встречались и архаичные орнаментальные элементы — мотивы, сохранившие отголоски древней обрядово-магической символики. Однако к началу XX в. товарный характер вологодского ткачества уже не имел особого значения ни для отдельных хозяйств, ни тем более для губернии в целом²⁴¹.

Ткачество в качестве промысловой деятельности сохранялось в ряде мест Олонецкой губернии и, прежде всего, в Каргопольском уезде. В 1900 г. им занималось свыше 260 крестьянок. Наибольшее количество ткачих отмечалось в Нифантовской, Ошевенской, Кенозерской волостях, в селениях по рекам Онеге и Волошке, в районе сел Усачева и Волосово, а также по Няндомскому тракту. Основным сырьем была льняная пряжа. Главный товар — холст простого полотняного переплетения («портна») или трех-четырёхрёмизная ткань саржевого переплетения (с характерным косым рубчиком либо «елочкой» — «рядна»). Из них делали полосатые наматрасники, простые и узорные скатерти, полотенца, а также кушаки, которые тоже шли на продажу. В ряде деревень — Погосте, Наволочной, Больших и Малых Холуях (Халуях), Гари тканье кушаков производилось почти в каждом доме. На 10 кушаков употреблялось 2,5-3 фунта коровьей шерсти, 2,5 фунта льняной или конопляной пряжи. В течение дня ткачиха могла сделать не более 2 кушаков. Сбыт тканых изделий осуществлялся через скупщиков, которые везли товар на местные ярмарки и в Каргополь²⁴².

Нельзя не отметить кустарное ткацкое производство в Поволжье. Значительные размеры его сохранялись в Пензенской и Симбирской губерниях. В присурских (по реке Суре) селениях начиная с 40-х гг. XIX в. распространилось тканье «промзинок» — бумажных и полубумажных тканей. Наибольшее количество небольших ткацких заведений и кустарей-одиночек отмечалось в селениях Промзино, Порецкое, Барышская слобода, где в основном готовили на продажу семирвершковые «холстинки» (крапчатые, полосатые, с узором), которые шли на женскую одежду, мужские рубашки, платки, скатерти, а также широкие «холстинки» (в крупную клетку) для наволочек на подушки и перины. Белые бумажные холсты красили в синий цвет; бумажную пряжу закупали в Промзине, на Нижегородской, Сборной и Корсунской ярмарках, иногда — на фабриках. Только «холстинки» в год вырабатывалось не менее 600 тыс. аршин и почти треть ее уходило на рынок через скупщиков. Сырьё — бумажная пряжа, приобретаемая у перекупщиков, — обходилось дороже фабричного на 30-40%, поэтому зависимость от фабрики росла чрезвычайно быстро.

Село Поречное славилось еще одним видом ткани — тонким холстом, который ткали в основном девушки. В Алатырском уезде быстрыми темпами развивалась шелкоткацкая промышленность — готовый для плетения шелк фабриканты раздавали ткачихам-надомницам²⁴³.

В Саратовской губернии развитие ткацкого промысла имело свои особенности, связанные с развитием хозяйства немецких колонистов. Здесь получило широкое распространение производство сарпинки. К середине XIX в. ее изготовление в основном сосредотачивалось в ряде волостей Камышинского уезда — на территории немецких колоний, постепенно переходя в селения с русским населением. Однако кустарный промысел здесь существовал недолго, превратившись в децентрализованную мануфактуру. Раздаточные конторы, подчиненные ряду крупных фирм, снабжали пряжей сотни крестьян, которые делали хлопчатобумажную сарпинку и платки на сумму до 1 млн руб. в год²⁴⁴. В соседней Самарской губернии, особенно в Бугульминском уезде, продолжали существовать кустарные промыслы по изготовлению холста, сукна, полотенец и кушаков.

В Казанской губернии к концу XIX в. ручное ткачество в виде мелкотоварного производства было уже исключительным явлением. Оставались лишь отдельные селения, где изготавливаемые холсты, скатерти, полотенца и проч. шли на продажу. В Тетюшском уезде таким «островком» являлось село Сюкеево, где в 250 домах ткали полотна около 280 женщин. Кроме того, в отдельных селениях Большешемьянской, Ильинско-Шонгутской, Шамбулыхчинской, Чингурино-Краснополянской и Новошимкусской волостях существовали кустарные промыслы по выделке полотенец, салфеток и холстов. В Покровской (селения Кужмары, Шамалы, Акшик), Посадско-Сотниковской (Первое и Второе Шульгино), Сотниковской и Никольской (Никольское) волостях Чебоксарского уезда ткали пестрядь, полотна, бумажную тесьму и полушерстяные пояса. Кустарным ткачеством занимались и в ряде мест Козьмодемьянского (Козьмодемьянская волость) и Ядринского уездов. Сырьем для полотна являлась как собственная пряжа, так и закупаемая на местных ярмарках и торгах, а также в Нижнем Новгороде²⁴⁵. Значительное место ткацкие кустарные промыслы занимали в Царевококшайском уезде, среди марийского населения. Одежда марийцев на протяжении почти всего XIX в. была из домотканого белого холста, который ткали из конопляной пряжи. Способы обработки волокна, прядение и тканье и прочие приемы здесь были в основном аналогичны тем, что существовали у их соседей — чувашей, русских и мордвы. Всю работу, связанную с ткачеством выполняли женщи-

ны. Собственность женщины на изделия из конопли и орудия труда отмечались даже в обычном праве марийцев. При выходе замуж девушка сохраняла за собой право собственности на засеянную коноплей в хозяйстве отца полосу (участок в огороде, иногда — позади гумна, реже в поле — от 0,10 до 0,15 га). Все приданое невесты готовилось из конопляного холста. Процесс подготовки конопли к тканию был трудоемким — после созревания и обмолота (для получения семян для конопляного масла) — мочка — 3-4 недели, просушка. Затем коноплю мяли — мялками в ступе по 5-6 дней подряд (по 4-5 чел. у каждой ступы). Следующие этапы обработки — коноплю трепали, чесали (щетками из свиной щетины или шкурки ежа), сортировали. Самый низкий сорт кудели — «начес» составлял около 30%, на второй сорт приходилось около 20% и на третий, самый высокий — 40-50%. Первый начес, наиболее худшего качества, употреблялся на портянки, мешковину и т.п., второй — на мужскую и детскую одежду, порты, кафтаны. Из третьего, высшего сорта делали женскую и праздничную одежду, головные уборы. Марийские женщины — ткачихи в своем ремесле проявляли высокое мастерство — на одном и том же стане могли изготовить до 12 сортов холста. Но на продажу шла лишь та ткань, которая оставалась после удовлетворения всех домашних нужд. Сбыт ее был, как правило, местным, но отправляли также в Вятку, Казань, Нижний Новгород²⁴⁶.